

Иероним Иеронимович Ясинский

Н. А. Лейкин

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

Н. А. Лейкин

Однажды в конце семидесятых годов я зашел в магазин готового платья в Гостином дворе. Приказчик стал бросать на прилавок пиджаки, чтобы я выбрал.

— Тут мокро, — сказал я, — вы испачкаете товар.

— Не очень мокро-с, — отвечал приказчик с улыбкой, — сладкий кружочек от стакана чая. Это господин Лейкин изволили пить чай, так мы из уважения к их посещению не стираем. Уже обсохло! — и он провел рукой по кружку.

— Почему же такое уважение к Лейкину? А я, правду сказать, не читал еще этого писателя.

— Как можно, вы извольте прочитать, очень смешно и убедительно пишет, положительно поднял "Петербургскую газету"; без него — какая это была газета? В руки нельзя было брать, больше взятками промышляли. Бывало, придет сотрудник и норовит продернуть магазин, по лицу уже видишь, что замышляет, и дашь трешницу — отступись

только. А как господин Лейкин вступили в газету, об этом что-то больше не слышать стало. Сотрудники не нуждаются, есть чем платить. Лейкин больше апраксинцев изображают; всё очень верно подмечают и, прямо сказать, цивилизации служат. Прогрессивный писатель, на каламбурном амплуа собаку съели, первоклассный сатирик, смело можно аттестовать.

— Помилуйте, вроде Щедрин?

— Не слыхали-с; с нас господина Лейкина достаточно. Каждый день читаем только господина Лейкина.

Я все-таки долго не принимался за Лейкина. В старых "Отечественных записках" была напечатана его повесть из купеческого быта, я потом вспомнил, под названием "Христова невеста". Автором был описан купеческий предсвадебный пир, мальчишник и девишник в банях. От описания этого веяло какой-то древней, почти языческой обрядностью, какими-то российскими сатурналиями.

Может быть, из Лейкина выработался бы более серьезный писатель с бытовыми красками, но писать для журналов было невыгод-

но, и Лейкин, обладавший коммерческим умом, предпочел ежедневный газетный фельетон в такой газете, которая могла быть распространена при его содействии в среде, из которой он сам происходил.

Он был мещанин. Семья его была мелкобуржуазная, все его интересы высоко не поднимались, хотелось ему иметь свой домик, своих собачек, послеобеденный отдых, свой квас после трехчасового предвечернего сна и свою, боготворящую его публику. Всего этого он достиг.

Фельетоны его в "Петербургской газете", в которую я наконец стал заглядывать, проникнуты были, действительно, иногда смехонадрывательным комизмом. Такие выражения, как "мое почтение с кисточкой", "вот тебе и фунт изюму" и тому подобные, были введены им в употребление, и если он выдвигал мошенника, то называл его "профессором": "Что-нибудь созорничать — на это он первый профессор". Иные называли его юмористом, но юмора у него не было. Чтобы быть юмористом, надо быть глубоким человеком. Комизм и юмор — огромная разница. В сатире — стра-

дание за человека, и гнев, и негодование на него и на обстоятельства, доведшие его до безобразия, до черного порока, до потери образа человеческого, до бездарной пошлости. А Лейкин старался только насмешить, и от этого безобидно было для гостинодворцев и апраксинцев его "каламбурное амплуа".

С Лейкиным я познакомился следующим образом: в юмористическом журнале "Осколки", который стал издавать Лейкин, не прерывая своего сотрудничества в "Петербургской газете", участвовал Чехов под псевдонимом Чехонте, как и в других юмористических изданиях. Когда Чехов прославился и загремел, в "Петербургской газете" появилась карикатура: какая-то декадентская прожорливая птица схватила лапами меня и Чехова и куда-то тащит. Было это намеком на наши повести, появившиеся одновременно и показавшиеся карикатуристу изменой классическому стилю.

Тогда лее в "Осколках" во всю страницу был изображен я с подлинным моим лицом, но с туловищем карлика. Я стою в редакции перед редактором, похожим на Лейкина, и

предлагаю ему кипу рукописей. Под цветным рисунком этим было подписано: "Числом поболе, ценою подешевле".

Обе эти карикатуры были безобидны, но Виктор Бибииков рассердился и обиделся и, встретив на пароходе Лейкина, схватил его за плечи в припадке бешенства, вдруг охватившего его, и, по его словам, хотел выбросить несчастного комического новеллиста за борт, да Лейкин оказался грузным. При этом Бибииков кричал: "Как ты смеешь, свинья, оскорблять великих писателей!". Скандал был большой. Публика отняла Лейкина, который, как и Бибииков, впал тут же в истерику.

Об этом происшествии сам же раззвонил по городу Бибииков, полагая, что он совершил подвиг, подсказанный ему чувством дружбы. Я обеспокоился, опасаясь, что Лейкин да и другие могли увидеть в этом мою руку, так как Бибиикова можно было подбить на что угодно ввиду некоторой безумной складки его характера, и отправился к Лейкину принести извинение за дурака, выкинувшего такую бестактную и нелепую штуку.

Лейкин немедленно принял мои извине-

ния, сказал, что он уже давно успокоился и не сомневался в том, что тут не было ни малейшей моей инициативы, и, провожая меня в переднюю, потребовал, чтобы я непременно дал ему какой-нибудь рассказ. Я обещал и теперь не помню, дал ли я какие-нибудь строки в "Осколки". Если же дал, то, вероятно, под псевдонимом стихки "злодейские".

Через некоторое время я услышал однажды, что в другой комнате моей квартиры кто-то шагает полуторным шагом: Лейкин был хром на одну ногу. Он явился с визитом и с приглашением к нему на обед. При этом он выложил мне на стол большую стопку книг в разнообразных обложках:

— Я привез вам мои сочинения с просьбой непременно прочитать. Я, что ни говорите, маленький Щедрин.

Я ему рассказал, где я в первый раз услышал о нем и где о существовании Щедрина и не подозревают.

— Ну, вот видите, — с убеждением сказал Лейкин, — надо меня прочитать. Чехов на мне научился писать свои рассказы. Если бы не было Лейкина, не было бы Чехова.

Он сидел и как-то жевал губами, как бы предаваясь мечте. На нем было пальто, а из-под пальто виднелись штаны с красными лампасами.

— Какой это на вас костюм, Николай Александрович, — удивился я, — генеральские штаны?

— Как вам сказать, вроде генеральских. Ношу по обязанности службы. Я церковный староста в церкви Казачьего полка — так это казацкая форма. У меня и медаль на шее на ленте есть. Нельзя без общественных отношений существовать, скучно было бы.

— Так что вы в церкви каждый праздник бываете?

— Ни одной службы не пропускаю, — с мрачной радостью объявил Лейкин. — Мы, юмористы, — народ серьезный. Не забудьте приехать ко мне, мы ожидать будем. Жена заведение содержит, и девочек хорошеньких увидите.

— Как девочек, Николай Александрович?

— Да так, приятнее обедать, когда девочки хорошенькие служат. Крепостных теперь нет, да если бы и было крепостное право, с моим

мещанским званием не пользовался бы. Когда бы еще я дворянства добился, а тут белольшвейное заведение, во всех отношениях большая выгода. Жена помогает мужу, так что женское равноправие соблюдено. У нас традиция шестидесятих годов.

При встрече с Чеховым я рассказал ему, какое комическое впечатление произвело на меня знакомство с Лейкиным. Чехов сказал:

— А что вы думаете, я действительно ему кое-чем обязан. Я никак не могу отделаться иногда от его влияния, а "каламбурное ампула", которое вы подцепили в Гостином Дворе, — прелесть что такое. У каждого из нас есть какое-нибудь "ампула". Вот и в моем покинутом псевдониме Чехонте, хотя он придуман был независимо от Лейкина, есть какой-то апраксинский запах, не правда ли?

С тех пор Лейкин состоял со мною, что называется, в дружеских отношениях. Я не был у него на обеде, на который он меня приглашал, но в день своего тезоименитства, как он выражался, он сам всегда приезжал за мною и вез к себе.

— У меня ведь вы покушаете, как нигде, —

уговаривал он меня, — как только войдете в мой кабинет (теперь мой кабинет вновь отделан) — в мой дом, сразу увидите, что я человек шестидесятих годов.

В самом деле, вся стена его кабинета была завешана портретами Слепцова, Суворина, Добролюбова, Чернышевского, Буренина, Тургенева, Успенского и проч.

— Завтра повешу ваш, — сказал он, — потому что получил наконец с автографом. Одного только Достоевского нет. Обратился я как-то к нему: "Дайте, Федор Михайлович, вашу карточку", а он как зыкнет на меня: "А для какой надобности вам моя карточка; что я вам и что вы мне?". Тут я сразу увидел, что ненормальный субъект, и решил обойтись без него. Пожалуйста в гостиную, там уже кое-кто собрамши, а в кабинет я не всякого пускаю: конюшня, да не для всякого жеребца.

В гостиной я встретил, можно сказать, всех персонажей его комических рассказов. Над диваном висел портрет его и жены. Оба они держали руки так, чтобы видны были перстни, которые художник изобразил добросовестно. Помнится, были и архиерейские порт-

реты.

Персонажи были гостинодворские, как оказалось, родственники его и жены его, солидные купцы и приказчики с подхалимским выражением лица. Одни важничали, другие старались быть "прогрессивными" и шаркали ножкой, когда знакомились, сладко засматривая в глаза. Дамы были солидные, с открытыми плечами. Жена Лейкина была тоже полная представительная дама в больших серьгах.

Конечно, была "собрамши" не подлинная аристократия Гостиного двора, а промежуточный слой, с которым водил хлеб-соль Лейкин. Но появились вскоре один за другим и литераторы: Владимир Тихонов, Щеглов-Леонтьев, Назарьева, Дубровина, блеснул Чехов.

Подошел ко мне Лейкин и угрюмо прошептал:

— Подоспело порядочно народу, а то я боялся, что рыбу некому будет есть. Не всякому подашь такое блюдо двухаршинное, не в коня был бы корм, если бы не ваша братия. Вот жаль, Федоров не пришел.

Федоров был официальным редактором

"Нового времени", известный когда-то водевиллист. Он был большим едоком, и так же сложен, как Лейкин, и также хромал, только на другую ногу. Его прозвали комодом без одной ножки. Но, к величайшей радости Лейкина, явился, когда уже стали садиться за стол, и Федоров.

Двухаршинную стерлядь Лейкин сам разносил гостям и без милосердия накладывал кусок за куском на тарелку.

— Кушайте и помните, — говорил он, — где же так и покушать, как не у меня! Будете роман писать, опишите мой обед. Нарочно повара приглашал и целый день с ним советовался.

Девочки в белых пелеринках мелькали по столовой, убирая и переменяя тарелки, разливая вина, подавая кушанья.

— А не правда ли, есть хорошенькие? — угрюмо спрашивал Лейкин. — Из них толк выйдет, жена в строгости содержит. Ни в одной белошвейной не найдешь таких хорошеньких, — продолжал рекомендовать он.

Девочки действительно были розовые, раскормленные и опрятно одетые.

— Мы не угнетаем, — сидя около меня, говорил Лейкин, — эксплуатации не полагается у меня ни-ни. Кончают учение и уходить не хотят. Весь нижний этаж скоро займет мастерская.

После обеда были устроены танцы. Какой-то гостинодворский кавалер дирижировал и кричал: "Плясодам! Кавалеры, проходите сквозь дам!". И еще что-то из "каламбурного амплуа".

Заметив, что я улыбаюсь, разговаривая с Чеховым, Лейкин подошел, прихрамывая, и сказал:

— Мои натурщики. Что ни говорите, а я настоящий натуралист. Я ничего не выдумываю. Природа богаче писателя. Щедрой рукой сыплет она и не такие еще выражения, только подслушивай да записывай.

Как-то я сидел одиноко у себя под Новый год. Приезжает ко мне Минский с женой Юлией Безродной, оба принаряжены. Минский и говорит:

— Мы приехали за тобой к Лейкину встречать Новый год. Он непременно требует, чтобы и ты приехал, а отдельно заехать к тебе у

него не было времени. Поедем, веселее будет вместе.

Приехали мы на Большую Дворянскую. Дом Лейкина был ярко освещен. Гости только что уселись за стол. Угрюмое лицо Лейкина даже расплылось в подобие улыбки:

— Ну вот, наконец-то! У меня под ложечкой даже засосало, нет и нет вас. Чехов тоже не приехал, Баранцевич изменил. Не угодно ли взглянуть, места ваши никем не заняты.

От этого новогоднего ужина у меня осталось несколько комических штрихов.

Юлия Безродная чересчур насмешливо поглядывала и знакомилась с обществом Лейкина. Ее сместили наряды дам, их вульгарные лица и развязность. Они хлопали рюмку за рюмкой вино и даже водку, как мужчины.

Сидевшая со мной рядом купчиха взяла на себя заботу угощать меня.

— Что вы так мало кушаете? — говорила она мне. — Наверное, вы наелись раньше. Как посмотришь на вас, сразу думаешь: ну, обжора, не откажется от хорошего кусочка, а между тем вы, как барышня. Вот, позвольте предложить вам вот еще вот это. Скажите, что вы

обожаюте — гуся или утку? Нет, не желаете, к рябчику склонность почувствовали? Позвольте и рябчика вам положить. А что, как вы думаете, хватит рябчиков на всю публику? — вдруг заинтересовалась она. — Сколько нас за столом? Вы говорите, восемнадцать человек? Ах, какой вы профессор умножения!

Мало-помалу Лейкин становился популярнее, богаче. Жена его, кажется, даже упразднила белошвейную, найдя для себя неприличным больше содержать ее. От генеральских штанов он не отказывался. Встретивши меня на Невском, Лейкин остановил извозчика, перешел на панель и рассказал мне, что едет к великому князю Алексею Александровичу и уже получил от него бриллиантовый перстень:

— Бриллианты дешевые, желтые, но дороги не бриллианты, а внимание. Он пригласил меня, и сейчас еду к нему читать по утрам мои рассказы. Он находит, что я недурной рассказчик. Я, действительно, со сцены могу рассказывать, не только в кабинете у такой особы. Мне вот хотелось бы через него к царю проникнуть. Он наше русское направление

любит, а я, хоть и маленький Щедрин, но русский с ног до головы. Да жаль, сейчас, — сообщил он, понизив голос до шепота, — говорят, запил. Ведь вот что значит русская-то душа в нем сидит — требует!

Больше с Лейкиным я не видался.

[1]

Примечания

Опубликовано: Ясинский И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л., 1926.

[^^^]